

И. В. Ткаченко, Н. М. Дорошенко
**Об интерпретации блокады
Ленинграда немецким ветераном¹**

Наше общество переживает настоящий исторический бум: историей интересуются, об историческом процессе спорят... «История» — понятие многозначное и весьма привлекательное для всех, интересующихся ею. Одни люди делают историю, другие пишут ее, третьи читают, четвертые пересматривают, пятые дают различные дефиниции. Последние руководствуются философскими основаниями: история определяется по предмету (события политической, экономической, культурной, социальной истории); по элементам знаний (источник, факт, теория); по уровню исследования (описание, объяснение, оценка).

С середины XIX в. появляется сравнительно новое определение; «история — это интерпретация». Под интерпретацией понимается не описание (как было на самом деле?) и не объяснение (почему произошло именно так, а не иначе?), а поиски смысла происходящего (что к чему?), понимание ценностных ориентаций: во имя чего люди жили и умирали, страдали и жертвовали собой. На эти вопросы пытались ответить многие мыслители (Н. А. Бердяев «Смысл истории» и др.), но генезис, структура, функции этого понятия не были исследованы. Лишь Л. Н. Гумилев, столетие со дня рождения которого отмечается в 2012 г., в книге «Поиски вымышленного царства» (1970) выделил три уровня интерпретации: с позиции мыши, кургана, орла. Позднее в диссертационной работе «Этногенез и биосфера Земли» (Л., 1990) он изобразил семь уровней интерпретации: с позиции мыши, собаки, человека, лошади, птицы, ракеты, и даже с космической высоты².

Какое это имеет отношение к нашему вопросу? Дело в том, что мы попытались разобраться с интерпретацией блокады в книге Хассо Г. Стахова «Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде 1941–1944». Она вышла в 2001 г. в Германии на немецком языке, затем переведена на русский Ю. Лебедевым и издана в Москве («Цен-

**Ткаченко Инга
Валерьяновна,**
*житель блокадного
Ленинграда,
кандидат
исторических наук,
доцент
(Санкт-Петербург)*

**Дорошенко Надежда
Михайловна,**
*доктор философских
наук, профессор,
Балтийский
государственный
технический
университет
«Военмех»
(Санкт-Петербург)*

трополиграф») тиражом в 3 000 экземпляров. Автор книги Хассо Г. Стахов — участник описываемых событий: именно в эти годы он 19-летним солдатом в чине ефрейтора воевал на Волховском фронте в 18-й армии, входящей в группу армий «Север».

В России это издание вышло в серии «За линией фронта. Мемуары», основанной в 2002 г. То, что книга отнесена к жанру мемуаров — нормально, хотя она в большей степени относится к монографическому исследованию. Несмотря на то, что автор как участник описываемых событий использует мемуары других ветеранов, их дневники, несмотря на публицистический стиль изложения, используемая в книге база источников и содержание многих глав выходит за рамки мемуаров. В списке источников, кроме архивных материалов, документов, периодики, названы еще 136 единиц. Именно источниковая база позволяет автору реконструировать ход войны на Волховском фронте. О том, что данное исследование выходит за рамки мемуаров, может свидетельствовать предисловие к этой книге, написанное в марте 2001 г., и содержание 1-й главы, повествующей о поездке автора в Ленинград в 1991 г. В них сформулирована авторская концепция книги, которую можно свести к трем основным положениям.

Первое: приоритет общечеловеческих ценностей и новое демократическое мышление³ обязывают «освободиться от легенд, измышлений, словесного мусора» и трезво изложить правду о войне⁴.

Второе: главные виновники трагедии на Неве — диктаторы, создатели тоталитарных режимов Сталин, Гитлер, партийное руководство города. «С открытием московских архивов нам стало известно, что обе стороны готовили нападение друг на друга»⁵. Поэтому сегодня мы можем отказаться от затасканной формулировки о вероломном немецком нападении на Советский Союз 22 июня 1941 г., поскольку полюбившийся «невроз войны» уступает трезвой оценке⁶. Сталин не любил Ленинград и специально «подставил» город под 18-ю армию, бросил население на произвол судьбы (С. 8). Гитлер упустил возможность войти в город в сентябре-октябре 1941 г. Партийное руководство не обладало стратегическим мышлением: надо было понимать, что Гитлер стремится захватить порт на Балтике, складские помещения, железные дороги и индустриальный потенциал (С. 7).

Третье, вытекающее якобы из приоритета общечеловеческих ценностей, — «равновесие», «уравнительный подход» в оценках военных событий. Главное — снять с 20 миллионов немцев коллективную вину за войну. Критерий равновесия автор применяет (кроме упомянутого по линии Гитлер — Сталин) к населению города, к Красной Армии и к немцам. «Трезвость» автора выразилась в следующем. Население Ленинграда голодало, потому что город не сдали. Красная Армия несла большие потери, потому что советские руководители и военачальники не жалели человеческих жизней. Немецкие солдаты страдали от морозов, болот, глинозема и партизанских атак. Характерны названия глав: «Но о холодах не было сказано ни слова»⁷, «Бандитская война партизан и военное право»⁸. Напомним, что эти сю-

жеты, начиная с послевоенных десятилетий, присутствовали в германской историографии: в поражении немцев виновны Гитлер, партизаны и морозы.

Завершая изложение авторской концепции (в предисловии), отметим, что Стахов не является пионером в использовании теории «коллективной вины» в военных преступлениях в немецкой историографии. Как писал в своей монографии «*Von Bismark zu Hitler, Ein Rückblick*» известный немецкий публицист Себастьян Хаффнер, «в Германии невозможно писать о войне, ибо каждый аспект тем усиливает “невроз виновности”». И далее, благодаря гамбургскому историку Фритцу Фишеру в 60-е гг. был найден «контрферзь», применительно к Первой мировой войне: к войне готовились все страны, эта подготовка была легитимной военной политикой государств. Отсюда «виноваты все»⁹.

Первое издание книги Хаффнера вышло в 1987 г. в Гамбурге. Второе — спустя 10 лет со дня смерти Хаффнера в 1999 г. в Мюнхене. Оба издания появились в «*Knaur Taschenbuch Verlag*», издательстве учебной литературы для детей.

Названные методологические принципы преломляются в содержании книги. Правда, заявленная «равновесность» не выдерживается, ибо используется по-разному в применении к советской и немецкой сторонам. Даже в таком аспекте, как историческая память, автор убежден, что русские должны помнить, а немцы должны забыть о войне¹⁰. Книга пестрит характеристиками немцев как цивилизованных, разумных, профессиональных воинов, чутких к страданиям других людей. Они только не знали, за что воевали, и им пришлось воевать в жутких условиях и нести большие потери и т. п. Знакомая пангерманская мелодия. Русские, советские люди, якобы ментально привыкшие к болотам и холодам, терпеливы в страданиях, склонны к самопожертвованию¹¹. Они не испытывали трудностей: их военный потенциал на порядки превосходил германский (узнаем почерк Резуна); «они имели все под рукой», а немцам надо было все доставлять из Германии. К тому же, партизаны нападали на составы, взрывали поезда и полотна железных дорог.

Почему-то автор забывает, как немецкая артиллерия и авиация нещадно бомбили «Дорогу жизни» — узенькую полосу, связывающую блокадный Ленинград с Большой землей (неужто именно так пострадали немцы?). Или забыл автор, как его 18-я армия разрушала железнодорожные ветки из Тихвина к Волхову, усугубляя катастрофу 2-й армии? А население прилежащих территорий: женщины, старики, дети перенесли на руках 35 тыс. бревен для восстановления одной дороги, проходя иногда расстояние до полукилометра¹². Неужели их вел мазохизм, терпеливость и жертвенность? Нет, они защищали свою землю от непрошенных захватчиков! В некоторых эпизодах автор просто комичен: не только забывается нападение Германии на СССР, а возникает иллюзия, будто германские войска оказались приглашенными в СССР на рыцарский турнир, только приглашающая сторона не обеспечила комфортные условия.

Обратимся к авторскому контексту блокады Ленинграда. Как он ее интерпретирует, какую «трезвую» правду несет его книга и что шокирует в ней? Как уже отмечалось выше,

главная правда по Стахову — негативная роль Сталина и партийного руководства города. Сталин спасал Москву, Жданов был неумерен в отношении к сладостям (С. 7, 22). Приводятся факты о преследовании А. А. Ахматовой, о закрытии выставки в Соленом переулке. Открытий тут нет. Многие ленинградцы знали это. Шокирующими оказались «откровения» Стахова и предметность применения им «трезвого», «равновесного» подхода. Например, приводится факт о том, что в Ленинград доставлялось ежедневно 86 тонн продовольствия (для 2,5 млн, убывающих в дальнейшем), и говорится, что армии Паулюса тоже не хватало пищи, как и берлинцам в 1948–1949 гг., им для 2,5 млн доставляли по воздушному коридору 4500, позднее 10 тыс. тонн¹³. А ведь именно с учетом Ленинградской трагедии Международный суд в Нюрнберге инициировал перед ООН запрет (впредь) на осаду (блокаду) голодом мегаполисов, ибо такими способами уничтожается цивилизация.

Шокировало и сравнение автором эвакуации из Ленинграда в 1944 г. и Берлина в 1945 г. Дескать, население Ленинграда (как и Кёнигсберга) организованно не вывезли, а из Берлина и других городов люди в больших количествах уезжали на Запад. Добавим, в 1944 г. население Кёнигсберга эвакуировалось при немцах, и Красная Армия этому не препятствовала, а Ленинград уже в августе–сентябре 1941 г. с населением оказался в предблокаде. Что касается 1945 года, то немцы бежали от шока поражения и кары возмездия не только на Запад, а куда «глаза глядят» — в Латинскую Америку, в Африку и т. п.

Одна из авторов данной статьи в возрасте семи с половиной лет 7 апреля 1942 г., как раз в то время, когда 18-я армия препятствовала 2-й советской армии прорвать блокаду Ленинграда, решением городской власти подлежала эвакуации по Дороге жизни. Память сохранила эту катастрофу: авиация и артиллерия отправляет машины под лед, а в машинах были женщины и дети. Родители закрывали глаза детей, чтобы они не видели этого ада. А Вы, г-н Стахов, постоянно подчеркиваете цивилизованность немцев. Подлинную цивилизованность проявили ленинградские дети, которые в 1946 г. приносили хлеб пленным немцам, работавшим на стройках, хотя эти немцы были виновниками гибели их братьев и сестер.

В духе заявленного автором «трезвого анализа», «равновесного подхода» предлагается учесть количество жертв Ленинграда от дефицита питьевой воды: ведь партийное руководство города отдавало приоритет в первую очередь заводам¹⁴; и предлагает точно подсчитать, сколько ленинградцев умерло в эвакуации, и сколько снарядов немцы выпустили по городу, чтобы не приписывать немцам лишних преступлений. Более того, автор цинично сравнивает бомбоудары по Ленинграду с «наглыми налетами советской авиации на Берлин в 1941 г.». Уверены, что ни один блокадник, тем более защитник города не только не испытает шока от прочитанного и не отвергнет циничные оценки блокады, а правильно установит, с какой позиции ведется эта интерпретация.

Автор часто говорит о том, что жители Санкт-Петербурга называют случившееся в Ленинграде катастрофой. Опросов не было, но правильнее все же говорить о «блокаде» —

это понятие точно отражает историческое событие. Как ни трагичны были 900 дней, как ни тяжелы воздействия голода на людей, тем не менее, город выстоял. И уже весной 1942 г. физически обессиленные жители блокадного Ленинграда вышли на уборку улиц города и трамвайных путей ото льда и снежных заносов. Люди жадно ловили радиосводки Информбюро. А для фронта и тыла сопротивление врагу Ленинграда было уникальным источником поддержки. И если исходить из приоритета общечеловеческих ценностей и не игнорировать духовно-человеческий потенциал ленинградцев в Великой Отечественной войне, то это не дань традиции советской пропаганды, а реальные качества советских людей тех поколений.

Главы и страницы книги Х. Стахова, посвященные событиям на Волховском фронте, побудили автора отдалиться от интерпретации и отдать предпочтение фактам, конкретно-историческому подходу. Реконструировать военные события 60-летней давности помогли и пронзительная память (Стахову в момент написания и издания книги было 79 лет), и наличие исторических очерков о подразделениях 18-й армии. В период 60–80-х гг. ветеранские организации издали в Германии очерки о боях 82-й, 186-й, 213-й, 225-й, 290-й пехотных дивизий, 4-го батальона воздушно-десантной бригады, 5-й горно-егерской пехотной дивизии, 800-го батальона особого назначения¹⁵.

И хотя советская и российская историография Великой Отечественной войны развивается интенсивно, а на Волховской земле большинство жителей знают о трагических событиях весны-лета 1942 г., тем не менее, факты о боях на «просеках смерти» («Эрика», «Дора»), у железнодорожной насыпи Погостье, за Киришский плацдарм, Мгу, за Синявинские высоты, имеют и для нас историографическую ценность. Они — редкий источник из серии «За линией фронта»: о положении, обстановке у противника, взгляд противника (тем ценнее, чем выше уровень воззрения), тем более на участке, где наша армия потерпела поражение и случилось предательство ее командарма. Г-н Стахов и здесь использует «неравновесные» характеристики и не воздерживается от искажения фактов. Постоянны его утверждения о неумении Красной Армии воевать, об увеличении количества ее вооружений. Порой при чтении текста создается впечатление, что против каждого немецкого солдата воюет не красноармеец-пехотинец, а танк — прямо Прохоровка 1942 г. Автор утверждает, что на этом участке фронта в огромных количествах использовались «катюши», их он называет «красными органами Сталина», но до массированной канонады в Сталинграде было еще полгода. Постоянны эпитеты о «вероломстве» красноармейцев. Заявленная «резвая мысль, оценка» изменяет Стахову. Он уверенно характеризует отступление 18-й армии с Волховских высот как «триумф». Но все же негативных выводов в этой части книги меньше. Их вытесняют факты.

Сюжет о генерале Власове также в центре авторского изложения¹⁶. Подробно изложены биографические сведения, его отношения с НКВД, история пленения, отличающая-

ся от условий захвата в плен полковника Старунина, комиссара Зуева, дается позитивная оценка Смоленской декларации Власова от 27 декабря 1942 г. Для Х. Стахова генерал Власов — символ истории, Сопrotивления. Трагедия 2-й армии им видится в том, что Сталин бросил армию и генерала на произвол судьбы. Оставил их без шансов: за Власовым шло НКВД. Но как уже отмечалось, в этой части книги не интерпретация «ведет» автора, а факты. Проступают объективные сведения. В противовес мнению Василевского приводится мнение Г. К. Жукова о том, что Власова сделал предателем плен¹⁷. Приводятся мнения немецких военных о стратегических просчетах генерала: в выборе места прорыва — всего в 3 км шириной, место дислокации армии как потенциального «котла», оценка того реального факта, что армия быстро лишилась механизма управления. И это прямая вина генерала: очень быстро армия превратилась в стихийный конгломерат групп, пробивающихся из окружения. А ведь генерал считался талантливым офицером; ему поручили прорыв не как «козлу отпущения» (Стахов). К марту 1942 г. уже был накоплен опыт выхода из «котлов» 1941 г. Генералы-командармы — не вестовые Сталина, тем более что руководитель государства не был профессиональным военным. На с. 178 Стахов пишет: «В сегодняшних условиях глумление над Власовым как над предателем, после того как уже в Москве больше не прославляется сталинский режим, означает бездумное потакание сталинской пропаганде»¹⁸. Драма генерала Власова лежит не в плоскости Власов — НКВД — Сталин (в большей степени это субъективная интерпретация), а в плоскости генерал — война — поражение армии, ответственность военного за вверенные ему судьбы 100 тыс. человек. Драма в том, что генерал не смог найти необходимые военные решения. К моменту, когда местный староста арестовывал его, он был раздавлен, а возможность сопротивления была. Идея борьбы с большевизмом и создание Русской освободительной армии — это фантомы, попытки компенсации своего краха. Да, Волховский фронт в силу многих факторов драматичен, но где было легко в 1941–1942 гг.? Разве легче было в Смоленске, Клязьме, Ржеве, Харькове, Сталинграде? Объективно у Ставки в эти годы не было резервов, это только в опусах Резуна речь идет о несметном количестве вооружения, а в свидетельствах солдат — дефицит даже винтовок¹⁹.

Мы хотим привести г-ну Стахову другой факт. В марте 1941 г. партизаны доставили в Ленинград продовольственно-хлебный обоз. Путь от Пскова был очень трудным, но этот первый обоз позволил осуществить прибавку хлеба. Среди награжденных — 23-летний командир-пулеметчик, любимец партизан Михаил Харченко. В Смольном его товарищи прямо сказали, что Миша заслуживает Звезды Героя. И Москва поддержала. Однако менее чем через год, оказавшись в критической ситуации (все его товарищи погибли), М. С. Харченко, удерживая объект, вел бой до последнего патрона, и чтобы не попасть в плен, предназначил последний патрон для себя. В память о нем 104-я школа Выборгского района Санкт-Петербурга носит имя Героя Советского Союза М. С. Харченко.

Рассмотренная нами интерпретация г-ном Стаховым методологических подходов (приоритет общечеловеческих ценностей и методов «равновесных оценок» исторических событий), блокада Ленинграда и бои на Волховском фронте свидетельствуют о том, что автор исключает историзм и объективность, игнорирует сами факты. В результате такой интерпретации стирается различие между агрессией и сопротивлением агрессии, добром и злом, героизмом и предательством. В конечном счете, произвольно меняются масштабы, сущность и оценка реальных событий. Не сданный врагу Ленинград превращается в катастрофу, а отступление немцев с Волховского фронта — в «триумф». Под оценку цивилизованности, искусства воевать и сострадать попадают разорение земель, мародерство, истребление людей. А критерием выступают масштабы жертв: коль русские потеряли во много раз больше, значит, лучше воевали немцы.

Автор считает, что пройденные десятилетия, перемены в России являются основанием для оправдания тех поколений немцев, которые воевали против России. Но принцип историзма требует рассмотрения прошедших событий в контексте того времени. У него же с помощью «равновесия» немецкие поколения 20–30-х гг. рассматриваются с позиций поколений 50–60-х гг. и более поздних. Автор имеет право на интерпретацию, но на игнорирование фактов у него права нет. Ведь он игнорирует не личные биографические факты, а факты всемирной истории. Он добивается снятия «невроза войны», «невроза коллективной вины» с 20 миллионов немцев, заявляя часто, что они не знали всего о нацизме. Германия с начала XX века интенсивно вела курс на милитаризацию, на экспансию (Круп, Тиссен). Не случайно в 1946 г. в Нюрнберге они были причислены к преступникам. Германия дважды ввергала Европу в мировые войны. Немецкое население за небольшим исключением поддерживало Гитлера, нацизм, завоевание славян как «недочеловеков». Немецкие мужчины убивали не только солдат, но и миллионы мирных жителей.

У нас нет мстительных рефлексов, но есть историческая память и знание. Все послевоенные десятилетия с болью помним и видим, какой невосполнимый ущерб нанесла Германия нашей Русской равнине, нашей корневой среде обитания. Ее население, земля дважды пострадали от немецких полчищ. 70 лет не преодолеваются демографические потери. 25 лет потребовалось на восстановление поголовья скота, угнанного в Германию. Немцы увозили из России черноземную почву, лечебные грязи, и нагружали ими вагоны немецкие солдаты, а не Гитлер. И автор думает, что, отрешиваясь от Гитлера, он освобождает немцев от вины. На с. 166 он цинично объясняет, что татаро-монгольское нашествие в терроре превзошло немецкие «айнзатц-команды». Вот такое «равенство» понадобилось для оправдания соотечественников! В итоге можно сделать вывод, что г-н Стахов хотел «воспарить орлом», но реально он уподобился второму уровню по классификации Гумилева.

Логика интерпретации событий Великой Отечественной войны, по Стахову, сводится к тому, что перемены в России используются как возможность «переадресовать» вину за

преступления нацистской Германии на Сталина, ВКП(б), и «освободить от вины» немецкие поколения участников Второй мировой войны. Читателям этой книги хотят внушить: если руководители СССР так повинны в военных бедах, то так ли велика победа 1945 г.? Такой интерпретации истории Великой Отечественной войны нам не надо.

Под видом сочувствия ленинградцам-блокадникам, ставшим жертвами не германской агрессии, а по Стахову, «некомпетентности и бессовестности партийных руководителей города и диктатуры Сталина», под флагом признательности и уважения петербуржцев за их критическую версию прошлого, акцентируя прежде всего вопрос о цене победы СССР Стахов последовательно продвигает не только идею оправдания немецких поколений, воевавших в 1941–1945 гг., но и попытку заниженной оценки итогов и значения Великой Отечественной войны. Это уже не просто интерпретация, а заявка на фальсификацию. Событийными фактами истории XX века является реакционная роль германских рейхов в развязывании двух мировых войн, унесших жизни 60 миллионов человек. Конечно, с таким грузом психологически трудно жить, вступать в XXI век. Но освобождение возможно лишь через осознание собственных, а не чужих проблем, через покаяние каждого и всех немцев, а не путем «перевода» истинных причин случившегося в удобные концепции.

Есть вопросы и к тем, кто дает возможность на нашем телевидении появляться передачам о Гитлере, о его юношеских годах, о его женщинах, об отношениях с вермахтом; кто предоставляет возможность издавать и переиздавать книги участницы «хрустальной ночи», подруги Гитлера Лени Рифенталь; кто на протяжении десятилетия в нашем городе позволяет футбольным болельщикам (и не только им) выражать свои эмоции известным нацистским вскидыванием рук? Похоже, что избавляясь от идеологизмов прошлого, мы, следуя известной поговорке, «выплескиваем с водой и ребенка», тем самым деформируя историческую память, историческое знание и сознание наших людей.

¹ Рец. на кн.: *Стахов Х. Г.* Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде 1941–1944. М., 2011.

² *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 349.

³ *Стахов Х. Г.* Трагедия на Неве. С. 11.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 62–87.

⁸ Там же. С. 87–112.

⁹ *Haffner S.* Von Bismark zu Hitler. Ein Ruclblick. Munchen, 2009. S. 113.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 9.

-
- ¹² Бумагин Г. К. Ленинградская область в дни Отечественной войны // Пропаганда и агитация. 1942. № 20. С. 22.
- ¹³ Стахов Х. Г. Трагедия на Неве. С. 27.
- ¹⁴ Там же. С. 10.
- ¹⁵ Там же. С. 352–360.
- ¹⁶ Там же. С. 163–170, 173–178.
- ¹⁷ Там же. С. 177.
- ¹⁸ Там же. С. 178.
- ¹⁹ Ломагин Н. Неизвестная блокада. Кн. 2., СПб., 2004. С. 227–229.
-

Tkachenko I. V., Doroshenko N. M. About the interpretation of Leningrad Siege by the German veteran.

AUTHORS: *Tkachenko I. V.* — citizen of besieged Leningrad, Ph.D. in History, Associate Professor (Saint-Petersburg) | *Doroshenko N. M.* — Ph.D. in History, Professor, Baltic State Technical University «Voenmekh» (Saint-Petersburg); avinisharma@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Stakhov X. G.* Tragediya na Neve. Shokiruyushhaya pravda o blokade 1941–1944. M., 2011.
- ² *Gumilev L. N.* E`tnogenez i biosfera Zemli. Leningrad, 1990.
- ³ *Haffner S.* Von Bismark zu Hitler. Ein Ruclblick. Munchen, 2009.
- ⁴ *Bumagin G. K.* Leningradszkaya oblast` v dni Otechestvennoj vojny' // Propaganda i agitaciya. 1942. N 20.
- ⁵ *Lomagin N.* Neizvestnaya blokada. Kn. 2., St. Petersburg, 2004.